ЕМЕЛЯ ДУРАЧЕКЪ СКАЗКА

О НЪКОЕМЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ПОКОЙНОМЪ МУЖИЧКЪ И О СЫНЪ ЕГО, ЕМЕЛЪ ДУРАЧКЪ.

ЛЮБЕЗНЫМЪ БРАТЬЯМЪ МОИМЪ НА ЭТОМЪ СВѢТѢ И НА ТОМЪ, КАРЛУ, ЛЬВУ и ПАВЛУ.

счастье безтолковое, Везетъ везетъ хитрость пронырливая, людская, и всякая кривая неправда, везетъ часомъ и просто, дурь нагольная, глупость простоволосая! И на что же, скажите, придумали люди умъ да разумъ, И придираются, доискиваются какъ бывало Соломонида, кума совъсти. моя, поскребышковъ изъ квашни порожней, и докучають и себъ, и людямъ? По нашему: день прошелъ, такъ и спать пошелъ; день разсвѣлъ, всталъ поълъ: да кто поспорить со мной, станеть поперечить, сказку про нъкоего **TOMV** скажу Я православнаго, покойнаго мужичка и про

сына его, про Емелю дурачка; а кума придакнеть, скажеть: и въстимо, родимый, оть ума лишняго и чернокнижество родилось; а совъстный, примолвить свать Демьянь, и изъ-за сытнаго стола голодный встаеть!

Стояла, на ръкъ судоходной, слобода; въ слободъ той жилъ старикъ и при немъ три сына: двое умныхъ, а третій дуракъ. Умныхъ не станемъ мы называть по имени; умниковъ на бъломъ свътъ много, всъхъ не докличешься, не дозовешься; а дурака звали Емелею, Емелею дуракомъ. Старикъ умныхъ двухъ сыновей своихъ оженилъ, а Емель наказаль оставаться холостымъ, покуда развѣ не проглянетъ душею, не «Пусть поумнъетъ. будетъ бѣда,≫ говаривалъ старикъ: «не было бы грѣха, чтобы не было, чего добраго, его масти приплоду!» А когда наконецъ старикъ тотъ умирать, то раздѣлилъ задумалъ пожитки свои и скотину на двѣ равныя части, сыновьямъ своимъ, умнымъ оставилъ, кромъ того, всъмъ тремъ, Емель то же, по сту рублевь; а самь,

преставившись, душею вознесся ВЪ въчность. Сыновья умные поплакали, почесалъ, голову потомъ дуракъ a своего, съобща, похоронили ОНИ отца честно и порядочно, со всѣми должными обрядами.

Братья умники, потолковавъ между вдвоемъ, дураку: сказали «Послушай, Емеля, отдай ты намъ деньги твои, сто рублевъ, мы пойдемъ съ братомъ торговать; городъ когда, a благословенію въ Бозѣ почившаго отца и родителя нашего, приторгуемъ великіе барыши, то купимъ тебъ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги! А ты, дома, оставайся тѣмъ часомъ, сиди хозяиномъ, да слушайся невъстокъ своихъ и дълай все, что они тебъ ни велятъ!» –

Емеля, которому страхъ хотѣлось пройтись по слободѣ въ красномъ кафтанѣ, красной шапкѣ и красныхъ сапогахъ, деньги отдалъ братьямъ, и охотно на все согласился. И такъ, братья поѣхали, а онъ остался съ невѣстками. Емеля весь Божій день лежалъ на полатяхъ, либо на печи, и

только посуливъ ему луку, да толокна съ квасомъ — до чего онъ былъ страстный охотникъ и ѣдокъ за семерыхъ, — могли допроситься невѣстки, чтобъ онъ пособилъ имъ по хозяйству.

— «Поди, Емеля дурачекъ,» сказали онъ ему однажды «принеси-ка воды!» А дъло было зимою, и стужа православная! - «А вы что?» отвъчалъ Емеля. – «Какъ, что,» сказали невъстки: «наше дъло бабье; ты знаешь, что кошка съ бабой всегда въ избъ, а мужикъ да собака завсегда на дворъ; тебъ не слъдъ въ избъ, на печи, валяться! Видишь какой морозъ на дворѣ; тутъ не только бабѣ, и мужику впору выйти; а мы луку да тебѣ толокна съ квасомъ припасемъ; пойдешь, a если не скажемъ мужьямъ нашимъ; они тебъ тогда не справять ни красной шапки, ни краснаго кафтана, красныхъ сапоговъ!» ни Услышавъ такія лестныя и убъдительныя одълся, рѣчи, слѣзъ Емеля съ печи, обулся, взялъ ведра, топоръ и пошелъ по воду. Пришедъ на рѣку, прорубилъ онъ пролубъ сажени двѣ и примърялъ ВЪ

топорищемъ по коромыслу, не тъсно ли будеть въ оба ведра воды зачерпнуть? Наконецъ сладилъ, воды набралъ, ведра поставилъ на ледъ и глядълъ, почесывая голову, въ полынью свою. Вдругъ въ ней всплыла большая щука. Щука въ полыньъ, умному, въ руки не дастся, а Емеля, съ дуру, засучиль рукавь, присѣль, запустиль руку въ полынью и – вытащилъ щуку! – «Начто ты меня поймаль?» спросила щука, когда Емеля сталъ сажать ее за пазуху. -«Какъ, начто!» отвъчалъ Емеля: «отдамъ тебя невъсткамъ, такъ онъ сварятъ тебя, а я тихонько унесу да съѣмъ, да закушу толокномъ съ квасомъ, да лукомъ! Ты, чай, не знаешь, что у меня будеть ныньче лукъ и толокно?» — «Знаю,» отвъчала щука: «а начто же тебъ меня, когда у тебя будетъ и лукъ и толокно?» — «Толокно толокномъ,» отвѣчалъ дуракъ: «и лукъ лукомъ, и квасъ квасомъ, а ты таки поди въ корчагу!» -«Пусти меня,» просилась щука: «я за это исполню всякое и любое твое желаніе!» — Это не худо, подумаль дуракъ. – Да дъло жилъ-былъ мужикъ въ томъ: ВЪ

крутой и посулилъ всѣмъ угодникамъ, по объту, поставить по гривенной свъчъ – а когда выпутался объщанникъ нашъ, такъ говоритъ: не дамъ; подите, ищите на мнъ! такъ и я отпущу тебя тогда, когда ты мнъ службу отслужишь, не прежде; когда рожь, тогда и мъра! – «Положи же меня опять,» отозвалась щука: «на самый край полыньи, чтобы я по крайней мъръ могла доставать носомъ воду и въ жабры выпускать ее, а самъ поди на берегъ, оглянись на всъ четыре стороны и, если увидишь галку бълохвостую, то подойди потихоньку и поймай ее такъ же искусно, какъ ты поймалъ меня; посади ее за пазуху и скажи: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, бълохвостая, ВЪ чертёнка двурогаго, чернохвостаго; а что дальше будеть, самъ увидишь; но меня въ пролубъ посадить не позабудь; если же я усну на льду, такъ тебъ худо будетъ!»

Емеля вышель на берегь, оглянулся и увидъль на землъ чернилицу, въ которой стояло бълое перо и отъ вътра

Исправникъ, Земскій повертывалось. доносу, который быль имь отыскань узнанъ въ печатномъ предсказаніи Мартына сказано, гдѣ что ВЪ великія скрываются еще сокровища, — Земскій Исправникъ этотъ привезъ, слъдственнаго дъла, изъ уъзднаго города подержать чернилицу, далъ ee Волостному, а тотъ, ознобивъ съ нею руки, поставилъ ее на снъгъ, а самъ дулъ проминался. Емеля И чернилицу съ бълымъ перомъ бълохвостою галкой; онъ снялъ съ головы шапку, подкрался птахѣ къ ползкомъ благополучно ее накрылъ. Не успълъ онъ вынуть чернилицу изъ-подъ шапки, ровно лучка, соловья изъ-подъ И вымолвить заклинаніе: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, бълохвостая, чертёнка ВЪ двурогаго, чернохвостаго - какъ въ рукахъ у него зашевелилось и выползъ изъ чернилицы смуглый, рогатый, чернохвостый чертёнокъ! Емеля поймалъ дурачекъ его, какъ

зайченка, за заднія лапки, и хохоталь, бока надсадилъ, кишки порвалъ, когда началъ хрюкать и визжать поросенкомъ, проситься рваться волю, И на земскому. -«Пусти меня,≫ говорилъ чертёнокъ: «я тебѣ **3a** чего ЭТО, пожелаешь, сдѣлаю!» — «Врёшь,» все «обманешь, отвѣчалъ Емеля: ВЪ уйдешь; сулилъ панъ шубу, да не далъ; а слово его и тепло, да не грѣетъ! Пойдемъка вмъстъ на полынью, потолкуй тамъ съ кумой, со щукой; либо я тебя утоплю, а ее на берегъ закину, либо дадите напередъ что посулите!»

- «А что бы ты пожелаль себѣ?» спросиль черть: «проси съ меня службу троякую; пожелай въ три раза, чего хочешь!»
- «Напередъ,» сказалъ Емеля: «чтобы у меня всегда было въ волю луку, квасу и толокна; потомъ, чтобы всякая работа, къ какой меня невъстки, или другой кто ни приставятъ, сама собою дълалась; а еще въ третьихъ.... а въ третьихъ, еще луку, квасу и толокна!»

— «Все это передъ тобою,» захрюкалъ чертёнокъ: ≪ПОМНИ только заговоръ, который тебъ скажу: по щучьему вельнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, будь то и то; и будетъ.» – «Попытаемся,» сказалъ Емеля. «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, луку, квасу и толокна!» Все явилось. «Ладно,» сказалъ онъ: «сытъ; не хочу будеть?» больше! Всегда такъ ЛИ чертёнокъ. Емеля «Всегда,» отвѣчалъ чертенка теперь отпустилъ на волю, посадиль щуку въ пролубъ, сталъ передъ своими ведрами, которыя тымь примерзли ко льду, такъ, что онъ не могъ ихъ оторвать – «по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, подите, ведра, не расплескивая воды, на гору, да станьте въ избу, подъ лавкой!» Ведра пошли сами на гору, съ боку на бокъ, какъ фря какая, съ башмачка на башмачокъ, переваливаясь, коромысло долговязое плакалось на скороходовъ чрезъ силу ихъ догоняло. Сосъди, глядя на это, крайне удивлялись такому чуду: ведра

сами идуть, а Емеля нашь вслѣдь за ними, лукомъ завдаетъ, ихъ какъ утокъ, передъ собою погоняетъ. Полныя ведра стали въ избъ, на лавку, а Емеля нашъ взлъзъ опять на печь. Но невъстки не давали ему покоя и говорили: «Ты бы, дуракъ, пошелъ дровъ нарубилъ.» – «А вы что?» спросилъ «Какъ, что?» отвѣчали дѣло, ЭТО дрова «женское ЛИ Теперь время холодное, не пойдешь, такъ ты же озябнешь, на холодной печи лежа! а краснаго кафтана, красной шапки красныхъ сапоговъ и во снѣ не увидишь!» -Тогда Емеля, лежа печи, на «По щучьему промолвилъ: велѣнью, моему прошенью, по земскому рѣшенью, поди, топоръ, наруби дровъ; а вы, дрова, сами въ избу ступайте, въ печь полъзайте!» И отколѣ ни взялся топоръ, выскочилъ на дворъ, нарубилъ дровъ охабку большую, а самъ пришелъ, да и легъ подъ лавку. Дрова въ избу ввалились и стали, полѣно чрезъ полѣно, съ полу да въ печь кидаться – а Емеля лежалъ себъ на печи, ълъ лукъ, да толокномъ съ квасомъ прихлёбывалъ!

— «Емеля,» ему невъстки: сказали «дрова у насъ вышли всѣ; поѣзжай-ка ты въ лѣсъ, да привези; а не то такъ и не будетъ тебъ краснаго кафтана!» — Емеля не сталь на этоть разь и отнъкиваться, а вздумавъ еще кстати подшутить надъ цѣлой слободой, слъзъ онъ съ печи, одълся, обулся, вышель на дворь, вытащиль изъподъ сарая дровни, навалилъ въ нихъ луку толокна, сълъ велѣлъ невъсткамъ И растворить ворота по-ширъ. Сани, щучьему велѣнью, по земскому рѣшенью, понеслись слободою – да прямо въ лѣсъ, только подъ полозьями снъгъ скрыпитъ! Но въ лѣсъ должно было ѣхать черезъ городъ: народъ тамъ сбъжался, на улицахъ давка, заторъ, всъмъ хотълось поглядъть на такое чудо, что ѣдутъ сани безъ лошадей, а оглобли завозжаны! Но дуракъ Емеля, не разумъвъ, что должно кричать: пади! а съѣзжаясь другими санями: СЪ держи правъй-ты! – передавилъ въ томъ городъ множество людей, конныхъ и пъшихъ, и санныхъ. Доъхавъ же до лъсу, сказалъ онъ: «По щучьему велѣнью, по моему

прошенью, по земскому рѣшенью, поди, топоръ, наруби дровъ – да шевелись у меня! — A вы, дрова, въ вязанки вяжитесь, да на дровни ложитесь!» — Топоръ пошелъ долбить, съ березы на березу, какъ дятель; нарубилъ дровъ, навязалъ беремей десятокъ, навалилъ въ сани – дуракъ сѣлъ, лукомъ закусилъ, и сани пошли чесать по мороженному какъ по писанному! Но въ городъ, гдъ онъ передавилъ народъ, его уже стерегли, кинулись и ухватились за него, стали тащить съ саней и бить. Тогда Емеля проговорилъ тихо, про себя: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, разсыпься беремя, которое побольше, на полѣнья, а вы, полѣнья, постарайтесь около затора, пересчитайте-ка всъмъ имъ ребра, головы!» — Не поломайте успѣлъ имъ вымолвить Емеля заклинанія, какъ полѣнья выскочили изъ саней и пошли крестить по народу, по чемъ попало; трескотня, лбамъ, по затылкамъ пошла такая, что небу жарко стало! A Емеля понукнулъ оглобли: — «Эй вы, миленькія, аль ВЫ

забыли, какъ прежде любили!» — Самъ тряхнулъ возжами — оглобли помчали его, онъ пріѣхалъ въ слободу свою, во дворъ, въ избу, и полѣзъ на печь.

Вскорѣ весь тотъ край заговорилъ о Емелѣ дурачкѣ и о проказахъ его; народъ сходился и сбѣгался со всѣхъ концевъ на родину его, чтобы поглядѣть на этого чудодѣя, а онъ, и усомъ не ведетъ! Лежа на печи, ѣстъ калачи, толокно съ квасомъ да лукъ, и знать никого не хочетъ!

Наконецъ въсть объ этомъ дошла и до той страны; Король захотълъ Короля увидѣть непремѣнно Емелю, послалъ одного чиновника своего, и приказалъ привезти его немедленно. Чиновникъ тотъ вскоръ напалъ на слъдъ, отыскалъ слободу, въ которой проживалъ Емеля дурачекъ, позвалъ старосту и велѣлъ привести дурака къ себъ. Староста пошелъ, но воротился съ отвътомъ, что Емеля нейдетъ: ему дома, на печи и сытно и тепло! Тогда чиновникъ тотъ приспѣшниковъ всъхъ своихъ, созвалъ себѣ уборные приказалъ подать всѣ лучшіе цвѣтные припасы снаряды и И

за Емелею. наряды, и пошелъ самъ «Слѣзай съ печи, дуракъ,» сказалъ онъ «да одѣвайся.» — «А зачѣмъ?» спросиль тоть. — «Какъ зачьмъ,» отвъчалъ чиновникъ: «ты слышишь, дуракъ, что тебя требуетъ Король; Я тебя повезу Королю!» — «А чего я тамъ не видалъ?» опять спросиль Емеля, «у меня луку да квасу съ толокномъ и здѣсь въ волю!»

За такую дерзость чиновникъ ударилъ его по щекъ; а Емеля, не марая рукавицъ, сдаль его на руки помелу, и велѣль: по щучьему веленью, по своему прошенью, почистить ему галуны, нафабрить усы и вытолкать позагривку. Сказано, сдълано. Чиновникъ сълъ и поъхалъ во свояси, и путемъ-дорогою былъ, сказываютъ, послѣ Емелиной чистки, тише воды, ниже травы. Король отвъту его весьма изумился послалъ немедленно другова, поменьше чиномъ, да поумнъй аршиномъ, и велълъ какъ нибудь обмануть дурака и привезти его непремѣнно. Тотъ приѣхавъ въ слободу, позваль старосту, и вельль привести къ себъ людей, съ которыми Емеля дуракъ

Староста побъжалъ, накинувъ живетъ. невъстокъ позвалъ дурачка И зипунъ, любитъ?» Емели. — «Что дуракъ вашъ спросилъ чиновникъ у нихъ: «и чѣмъ бы СЪ печи сманить И ВЪ столицу заманить?» — «Милостивый государь,» отвъчали невъстки: «дуракъ нашъ любилъ когда-то толокно съ квасомъ, да лукъ; бывало, посулишь, такъ и въ огонь и въ воду готовъ – а нынѣ онъ разжился самъ на свою руку этимъ добромъ, сытъ по горло и по уши! Но дуракъ нашъ не терпитъ угрозъ, а любитъ, чтобы его просили до трехъ разъ, и посулили наконецъ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги; тогда уже върно онъ сдълаетъ то, о чемъ его просять.»

— «Слѣзай Емеля,» СЪ печи, новый уговаривать его посланецъ Королевскій. «Поѣдемъ ВЪ городъ престольный!» — «А зачѣмъ?» спросилъ дуракъ: не видалъ?» -≪чего Я тамъ «Будешь большимъ бариномъ,» отвъчалъ посланецъ: «вельможею; развѣ ТЫ не знаешь, что близь Короля и живутъ

родятся все только бары да вельможи?» — «Близко родятся, да далече умираютъ,» дуракъ: «нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ И хорошо! А когда Королю твоему завидно, что я досыта доъдаю, плотно досыпаю, такъ возьми, вотъ тебъ, охабка луку зеленаго, да набери ему, пожалуй, толокна въ шапку, да и ступай!» — «Поъдемъ, Емеля,» просилъ Королевскій: посланецъ «тебѣ сошьеть красный кафтань, красную шапку и красные сапоги!» – И невъстки просить его и уговаривать. «Ну, также поъдемъ,» отвъчалъ такъ, такъ когда Емеля. «Поъзжай же ты у меня впередъ, очищай дорогу, а тебя обгоню.» — Я Посланецъ невъстокъ, спросилъ обманеть ли его дуракь? Но онъ отвъчали: «что Емеля однажды скажеть, то по глупости своей и сдѣлаетъ непременно.» Посланецъ сълъ и поъхалъ; а Емеля наълся лукомъ да толокна съ СЪ квасомъ, выспался, а когда невъстки его наконецъ разбудили, сказавъ ему, что уже не слъзая ъхать, тогда онъ, съ печи, «По щучьему велѣнью, вымолвилъ: ПО

моему прошенью, по земскому рѣшенью, поъзжай-ка ты печь во стольный градъ, да Королю дворъ!» на прямо къ затрещала, разступилась, печь затопленная поползла въ городъ престольный по гладкой зимней дорогъ что ПО маслу! Емеля обогналь дорогою посланца, и поспъль къ Королю на дворъ: еще труба экипажа его дымилась и сало во щахъ не остыло!

Бояре Король всѣ придворные, И Стольники, Окольничьи, Чашники, Воеводы, крайне чуду сему изумились: имъ не случалось еще видъть, чтобы разъѣзжалъ, на печи! А лежа дуракъ хлебалъ, лежалъ, толокно лукомъ закусываль, съ боку на бокъ повертывался, кряхтълъ, ни на кого не глядълъ!

Король подошель къ нему и спросиль: — «Скажи-ка ты мнѣ, если самъ знаешь: кто ты таковъ, и къ кому ты пріѣхалъ?»

— «Я — Емеля дурачекъ, ѣмъ съ квасомъ чесночекъ, а пріѣхалъ къ тебѣ, за краснымъ кафтаномъ, красною шапкой и

красными сапогами! Здравствуй Король! Для чего же ты меня призваль?»

- «А для чего ты дуракъ?» спросилъ Король.
- «Не скажешь никому,» отвѣчалъ Емеля: «такъ я тебѣ, пожалуй, открою душу свою, разскажу всю подноготную! Я было, признаться, родился у отца да у матери умницею, такъ меня бабка подмѣнила я подкидышъ!»
- «Зачѣмъ народъ ТЫ ВЪ городъ передавиль?» спросиль его Король. - «Не я давиль — сани давили,» отвѣчаль дуракъ. «Да кто же виноватъ, когда они стоятъ, лабазники на переторжкъ – разинувъ, глаза вылупивъ; ихъ дѣло Здравствуй! отступиться!..... подсолнечникъ!» продолжалъ повертываясь на брюхо и кивнувъ пріятельски головою на одного почетнаго кавалера. — «Развѣ ТЫ знаешь спросиль Король. - «Какъ не знать, я всѣхъ ихъ знаю!» отвѣчалъ дуракъ. «Это міряне, родомъ дворяне; на шеѣ Креста нътъ, а табакерка серебряная! Вотъ этотъ,

что рожа съдымъ мохомъ поросла, ЭТО добрый: парень онъ СЪ нищаго **CVMV** сыметъ, когда занадобится; самому послѣдній кушакъ на глаголь отдастъ, а самъ по міру пойдеть! они ребята дружные; мудрено; клинъ плотнику не товарищъ – а рыбакъ рыбака далеко въ плесъ видитъ! А этотъ, что пригладился, припомадился, такъ что и кованая козявка лбу не удержится, надакался, натакался, до того, что оскомину набилъ – какъ ретивая кобыла сухимъ ячменемъ: это — наволока камчатная, да соломой набита! А ты что чужому смѣху смѣешься? Найди свой, немогузнайка, да и смъйся! ты малый съ ногтемъ, черезъ посѣдѣлъ, а все прикидываешься олухомъ Царя небеснаго! Съдина въ бороду, а бъсъ въ ребро! Онъ воду мутитъ, да рыбу удить – будь плохъ, не подастъ и Богъ; ну да всего не переймешь, пріятель, что по рѣкѣ плыветъ; оставь поудить и дѣткамъ своимъ! А тотъ, что шапкой подъ мышкой мозоли натёръ, свиду простъ, ходитъ за тобой, какъ **3a** лисою хвостъ, a самъ

звъремъ въ лъсъ глядитъ, походя хвалится, что на зиму обуль тепло и своихъ, чужихъ, – онъ, правда, построилъ на нихъ варежки шерстяныя, да дырья-то въ нихъ нитяныя! Я бы его пожаловалъ за это изъ поповъ да въ діаконы! Ну, да онъ, правда, и чисто строчитъ, и концы хоронитъ; – у него рыбы нътъ, нътъ! а поглядишь – ушица есть!... Что? не любо? наморщились всъ, словно голенища смазныя! — Да, поговорка моя не крупичатая: она ржаная, хлъбная, ваше пузо отъ нее и пучитъ и дуетъ! она – быль, не быль; а у были гостила, да и къ вамъ, на печи, въ задатокъ, погостить прівхала! Она, по напутному обычаю, со мною побраталась, и служить нынъ у меня печи заурядъ-хозяйкою; старуха \mathbf{a} помолоть, охулы на свою руку положить; баба съ печи летить, семьдесять семь думъ задумаеть!»

Въ это время Емеля увидѣлъ стоящую въ окнѣ терема Королевскаго прекрасную дочь Короля, драгоцѣнную Махлаиду, и, подумавъ про себя вскользь, что, ка бы, по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по

земскому рѣшенью, да влюбилась бы въменя прекрасная Махлаида? А потомъ, понукнувъ тѣмъ же заговоромъ печь свою, отправился во свояси: пріѣхалъ не здоровался, поѣхалъ не простился! Изба родимая его разступилась, печь стала на свое мѣсто и Емеля опять принялся за роботу; спить — съ него паръ валитъ, бока грѣетъ, да лукъ съ толокномъ уписываетъ: только пищитъ, да за ушами трещитъ!

Но у Короля въ золоченныхъ теремахъ стало тою порой нездорово. Драгоцънная Королевна, Махлаида его, дочь встосковалась по Емелѣ, что по суженомъ; возьми, да подай — хоть роди, да подай!... ножа зарѣзалъ! всплакался Безъ отецъ Король, на Емелю дурака, и велѣлъ позвать къ себъ того чиновника своего, который въ первый разъ безуспъшно за Емелею ѣздилъ. – «Ты въ моемъ цвѣтномъ кафтанѣ ходить, ходишь,» сказалъ онъ ему: «хлѣбъ-соль мою ѣсть, ѣшь: а службы моей служить неслужишь - и такъ, если не хочешь быть тамъ, гдв и самъ чортъ рвдьки не строгалъ, такъ поъзжай, да привези мнъ Емелю дурачка во дворецъ!» —

поъхалъ, прибылъ Чиновникъ слободу, гдъ Емеля ему помеломъ нафабрилъ и пряжку почистилъ, высыпалъ старостъ мъшокъ пятаковъ, и велълъ ему заготовить столь, звать Емелю къ себъ и напоить его пьянымъ, до упаду, а потомъ укласть спать. Староста ослушаться чиновника того не посмѣлъ; по сказанному, какъ по писанному, сдълалъ и исполнилъ все; а когда дуракъ уснулъ, то чиновникъ связаль его по рукамь и по ногамь, уклаль пьянаго и соннаго въ сани свои и примчалъ во весь духъ въ престольный градъ и къ Королю во дворецъ. Король немедленно позваль къ себъ одного заморскаго Нъмца, искуснаго на всякія нечистыя издѣлія и чернокнижныя ремесла и художества, повелѣлъ ему учинить немедленно такую замысловатую хитрость, чтобы пустить подъ облака закупоренную и засмоленную бочку, въ которой были засажены Королевская И дурачекъ Емеля: Король за горячую и неприличную любовь

ихъ, изволилъ непомърно разгиъваться. И Нѣмецъ тотъ, вынувъ изъ живой севрюги вставилъ соломенку, пузырь, ВЪ него раздуль его въ три копны сѣна, изладилъ и привязаль къ бочкъ той, въ которой сидъла дочь Королевская съ милымъ дружкомъ Емелею дуракомъ – бочка своимъ И снялась съ мъста и пошла подъ облака, словно стрѣла пернатая!

Махлаида Королевна плакала горько и обнимала во тмѣ непроницаемой предметъ жаркой страсти своей – а дуракъ нашъ спаль, спаль, насилу выспался и отвъчаль прекрасной Махлаидъ Королевнъ, которая заклинала и умоляла его всъми святыми высвободить себя и ее изъ неволи темной: «мнѣ и здѣсь тепло; не хуже печи, да только голова болить съ похмѣлья!» Но Королевна Махлаида начала, весьма жалобнымъ напъвомъ И слезами, изображать печальное положеніе свое разжалобила чувствительнаго дурака того, что онъ ръшился пособить горю ея, чтобы избавиться только отъ нъжныхъ и жалобныхъ пъсень; что скоръе,

лучше! — «И TO такъ» онъ ТИХО промолвилъ: «по щучьему велѣнью, ПО моему прошенью, по земскому рѣшенью, бочка тридевять **3a** земель, тридесятое, государство на пустынный, среди моря-окіана, и сядь тамъ на лужокъ, какъ на кровлю снѣжокъ, – а вы, клёпки, раздайтесь разсыптесь; а ты, край чужой, гостей новыхъ принять изготовься; хлѣбъ-соль **УГОСТИТЬ** КЪ новоселью припасти позаботься!»

И бочка съла на луга шелковые, во цвъты лазоревые; клёпки разсыпались; и чета наша разгульная вступила во страну привольную; мало того что яствъ прѣсныхъ и пряныхъ, напитковъ сладкихъ и рьяныхъ, въ волю, но и чудесъ разныхъ припасено и приспособлено ко нуждамъ ВСЯКИМЪ напримъръ, потребностямъ; стоитъ корова — золотые рога, на одномъ рогу баня, другомъ на котелъ есть попариться, на лбу промежъ помыться, рогами выспаться! Но Махлаида Королевна стала просить неотступно возлюбленнаго дурака своего, чтобы онъ постарался и потрудился отстроить ей жилище, подобное каковыми пользуются люди земляхъ и странахъ нашихъ; ибо всѣ эти чудеса хороши для праздника — говорила она Емелъ – а въ будни намъ здъсь отъ причудъ и дѣваться некуда! «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, станьте, палаты Венецейскія, бѣломраморныя, зеркальныя, золотыя, хрустальныя, среди острова нашего пустыннаго!» И палаты со всѣми причудами и барскими затъями явились и стали. Но Махлаида Королевна, по той же пословицѣ, баба съ печи летитъ семдесятъ семь думъ задумаеть, начала теперь просить Емелю дурака, чтобы онъ потщился сообщеніе съ матерою землею; ибо, какъ ни весело ей было жить съ Емелею, но все она безъ людей скучала и не могла притомъ желанія одолѣть своего увидѣться СЪ дражайшимъ родителемъ своимъ И Емеля Королемъ. дуракъ построилъ щучьему немедленно велѣнью, ПО своему прошенью, безъ чертежей на планъ, профиль и фасады, хрустальный мостъ, на

таковыхъ же сводахъ, украсилъ каменьями самоцвътными и перилами жемчужными, и другой конецъ его прямо парадное крыльцо Короля, отца родителя прекрасной и драгоцѣнной Махлаиды, было съ немедленно хотълъ нею пуститься, по новому мосту своему, путь-дорогу — какъ вдругъ спохватился про себя, что всѣ люди, какъ люди, а онъ одинъ дуракъ; и что ему стыдно и совъстно будеть съ Королевскою дочерью въ люди показаться; а по завъту покойнаго отца своего, нельзя даже на ней и жениться, доколѣ не сдѣлается умнымъ – а что уже теперь безъ свадьбы дъло не обойдется, это, сказалъ Емеля про себя, и я своимъ смѣкну, и умомъ кукса по пальцамъ перечтеть! И такъ, пожелаю я еще разъ, напослъдяхъ, для себя ума палату, про свой обиходъ и про женину растрату, да и зарекусь, закаюсь, отъ щуки и отъ земскаго отчураюсь! По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, стань я уменъ, молодецъ какъ орелъ и удалъ какъ соколъ! И сдълавшись немедленно умнымъ

и пригожимъ, раздумалъ итти къ тестю своему а послаль почетныхъ кавалеровъ, изъ числа дворни своей, пройти по новому мосту и звать Короля со свитою своею и себѣ, челядью на новооткрытый къ новоотстроенный островъ, дворецъ ВЪ Венецейскій, на богатый пиръ. Король посланію сему изъ новаго царства весьма болѣе, когда удивился, а еще узрѣлъ неслыханный, и почти баснословный мостъ, радугою самоцвѣтною, стоящій островъ среди моря-Окіана, на **ООТКП** другою пятою на парадномъ крыльцѣ замка его — и отправился въ назначенный часъ со явленному, свитою своею КЪ великоименитому, великодаровитому царюсосъду своему, на пиръ.

Министры Царедворцы Короля И необыкновенное видя такое нашего, великолѣпіе, роскошное пышность И убранство, разсудили, что ЭТО долженъ непремѣнно Принцъ быть Лападійскій, поселившійся близь царства ихъ на островъ Вѣчнаго Веселія; и потому подходили къ

нему съ подобострастіемъ и колѣнопреклоненіемъ.

Послѣ пышнаго обѣда, Емеля умница спросилъ наконецъ Короля, не узнаётъ ли Его Величество въ немъ стараго знакомца? «Лице пріятельское— истинно пріятельское,» отвѣчалъ Король, «а узнать не могу!»— «Я тотъ самый молодецъ,» сказалъ тогда Емеля умница: «который пріѣзжалъ къ вамъ въ гости на печи.»—

Царедворцы при этомъ словъ всъ до того изумились, что у нихъ, у всъхъ, рожи вытянулись по шестую пуговицу!

— «А вотъ это,» продолжалъ Емеля: прекрасная Махлаида, съ ваша которой я намфренъ прижить дочерейбълоручекъ и сыновей-богатырей; а потому и прошу покорнъйше вашего Королевскаго отеческаго благословенія; а какъ народу изъ царства вашего перешло, **3a** по хрустальному мосту вслѣдъ, моему, весьма довольно, да притомъ и время для дорого, TO можемъ немедленно, насъ избравъ, благословясь, посаженныхъ, приступить честнымъ пиркомъ да И

свадебкѣ; дѣвишника же, прошу на этотъ разъ не взыскать съ насъ, не прогнѣваться, у насъ не будетъ; а я, какъ сталъ нынѣ разумомъ поумнѣе, умомъ посмышленѣе, накажу будущимъ дочерямъ своимъ бѣлоручкамъ, чтобъ онѣ потщились соблюсти построже всѣ повѣрья и обычаи земли нашей и безъ дѣвишника свадьбы не играли!» —

Король радостію СЪ великою благословилъ молодыхъ, и хотълъ было уступить имъ Королевство свое и утвердить ихъ въ княженіи; но Емеля умница, снявъ шапку и отвъсивъ одинъ поклонъ въ поясъ, другой въ полпояса, и замахнувшись еще на третій таковой же, отвъчаль: «Я двадцатый годъ на свътъ бьюсь, перемаиваюсь и самъ съ собою не справлюсь; а я одинъ, и, кажись, самъ себъ господинъ; такъ чтожъ я стану дълать если ты на меня душъ, что волосъ на голов $^{+}$, навалишь? — И за какую благодать стану я съ ними возиться, какъ сытой пёсъ съ краюхою, чтобы мнѣ здъсь не было ни радости ни отдышки, да еще посулили бы и тамъ, на томъ свътъ, не найти ни дна, ни покрышки? Нътъ, Ваше Величество, отецъ и батюшка и родитель вспоминайте-ка лучше царствуючи и здравствуючи о томъ, было сказано вамъ мною, когда я былъ еще благолѣпныхъ дуракахъ, O достохвальныхъ царедворцахъ вашихъ; пріосаньтесь, пріосмотритесь, мнъ a покоѣ жить дозвольте ВЪ да поживать совокупно со дочерію вашею прекрасною Махлаидою; драгоцѣнною МЫ разгульная, земля наша привольная; покуда живы, сколько земли той въ горсть ни ухватимъ, сколько, походя, ступней накроемъ, вся наша, благопріобрътенная! А занадобится придетъ пора, ЧТО неизмѣнный найдется уголъ, такъ И неволъ; родовое; отмежуютъ, ПО брюхомъ, съ ногами, и самъ нѣмецъ твой многоискусный, никого на тотъ свътъ не подыметъ!

«А пирушку, задамъ я всѣмъ подданнымъ твоимъ такую, чтобы представить примѣрный приступъ и сраженіе; чтобы изъ пироговъ подовыхъ,

были здобныхъ и слоёныхъ выстроены обнесены твердыни неприступныя, крутой каши масляной, раскатами ИЗЪ рвами опоясаны широкими; тремя другомъ первомъ медъ, ВЪ пиво, ВЪ третьемъ вина Фряжскія, а когда народъ твой пойдеть на приступь, брать твердыни неприступныя, съвстныя, TO зубами бычачьими, запасается губами языкомъ неутомимыми, И хлѣбосольными, утробою бездонною; онъ потока широкіе, три повиненъ испить пивомъ, медомъ, виномъ Фряжскимъ по самый край переполненные; поъсть раскаты изъ крутой каши масляной; и доберется онъ тогда до пироговъ здобныхъ, слоеныхъ и подовыхъ, до луку, толокна и до квасу! А когда все сіе устроится и учредится, о томъ будеть по всему царству твоему пущено отъ меня особенное повельніе и объявленіе! Въ ожиданіи чего и пишемъ:

«СЕЙ РУССКОЙ ПОЛНОЙ СКАЗКѢ КОНЕЦЪ!»

- «Погоди!» закричалъ Емеля: «не пиши конецъ, безъ хвоста не родится и огурецъ. Въдь у меня никакъ братья были, двое! да еще и умники оба; гдъ же они? позвать ихъ сюда!»
- «А братья твои,» отвъчаль посланець по учиненной справкъ, «разжились было съ трехъ сотъ на три тысячи, да чужое добро впрокъ не пошло. Какъ только разжились, такъ и не стали ладить промежъ собою, и раздълились. Одинъ вскоръ позамотался, а другой накопилъ денегъ кучу. Одинъ сталъ пить съ горя, другой съ радости; запоемъ. Первый, горемычный, преставился въ одной рубашонкъ, въ кабачишкъ, подъ стойкою; другой, разгульный, Богу душу отдаль въ губернскомъ городъ, примъромъ въ Ярославлъ, въ знаменитой сказать растараціи Росславовой, когда воротился, о святкахъ, въ тонкомъ синемъ кафтанѣ, изъ подъ качелей, отморозилъ себъ ноги по колѣни и руки по самые локти!»
- «Ну быть такъ,» сказалъ Емеля: «а кабы они волею Божіею, да скончались на моихъ рукахъ, такъ я бы покойникамъ

отдалъ послѣднюю честь, похоронилъ бы ихъ, умниковъ, въ красномъ кафтанѣ, въ красной шапкѣ и въ красныхъ сапогахъ!» — Ну, вотъ теперь, конецъ!

В. ДАЛЬ